

Глава 6. Без руля и без ветрил простата растёт в свободном плавании. Неужто чтобы Казанова. с ней скорей в могилу угодил?.. Ан нет! Пока надежда есть бессмертья чудо приобрести, раз онколог Петров принёс от канцера благую весть

После возвращения из райбольницы, уже из дома, Нина Павловна позвонила в Красноенсейск — в частный медицинский центр на улице 9 Мая. И обрадовала Казанова новогодним сюрпризом: бесплатный анализ ТрУЗИ могут произвести только в одиннадцать двадцать двадцатого января 2017 года на третьем этаже такого-то номера дома. Похоже, Казанову сам Бог послал почти месячный штиль до десяти утра этой даты с идеальным двадцатиградусным морозом и лёгким снежком с небес. Старый наивняк не подумал, что эта радость могла обернуться раскаянием, если бы узнал в конце расслабухи, насколько увеличилась опухоль,

приправленная раком, на или в его простате. В какой-то момент ночью он встревожился и утром попытался в Интернете раскопать информацию о временных промежутках между стадиями канцера. Однако прямого ответа на эту животрепещущую проблему всезнайка не дал.

Движение из посёлка в Красноенейск по Московскому тракту сквозь тайгу, припорошённую белой пудрой, через *Семивёрстку* до города, было полусонно-спокойным. А через сорок пять километров их машина, поплутав по закоулкам краевой столицы, выкатила на улицу 9 Мая, всколыхнув в памяти Казанова уснувшие воспоминания. Здесь, на 9 Мая, в конце девяностых он пару лет по утрам встречался в частной гостинице как переводчик со своими клиентами-испанцами. Иногда, проглотив предложенную ими сотку водки-палёнки, завтракал бутербродами и кофе с двумя-тремя специалистами — механиками и электриками, командированными фирмой «Агетас» из каталонской Игуалады на три месяца до приезда очередной смены.

И на этой же улице его сын Иван с невесткой Еленой жили после рождения их сына, а его внука Саши на съёмной квартире, а он вернулся из Ангарска. Там Казанов почти полгода работал переводчиком с тремя десятками американцев на комбинате, производившем топливо для атомных реакторов. И вот внуку уже двадцать три года, и он восьмого июня женится на медичке-заочнице Веронике. В июле-августе он окончит военно-инженерный институт, получит звание лейтенанта. После чего супруги уедут куда-то на восток. Он будет служить три года в войсковой части.

Похожая история произошла и с ним, дедом Казановым. Тогда, в пятьдесят третьем году прошлого века, он, Антон Казанов, — после двух лет учёбы в рязанской «пехотке» — двадцатилетним лейтенантом оказался в Китае. И там, на Ляодунском полуострове, командовал пулемётным взводом в третьей пулемётно-артиллерийской роте. А много лет спустя, в 1996 году, в Красноенейске, после завтрака, восьмиместный «уазик», используемый для

многих целей — вплоть до доставки покойников в места последнего успокоения, привозил ключющих носом иноземцев с шестидесятитрёхлетним «*тпадуктором*» (*traductor*) Казановым на строящийся в микрорайоне Солнечный — при кирпичном заводе — цех глазурованной плитки по образцу испанской. Но плитка, неблагодарная, в результате так и не превратилась в русскую из-за негодной для её производства местной сибирской глины. И, как позднее Казанову поведал бывший главный инженер кирпичного завода и до сего дня его друг Николай Валевич, он — по согласованному решению с акционерами — приказал бригаде рабочих демонтировать всё оборудование цеха плитки, превратив его в утиль. А освободившуюся площадь заняли заново построенной туннельной обжиговой печью и транспортёрами под производство кирпича сибиряками, уже без привлечения дорогостоящих испанцев. А заодно с ними оказался бы безработным и дешёвый Колин кореш-толмач Антон Казанов. Однако его оставили в штате заводоуправления ещё на два года с правом работать на дому над переводами с английского и испанского множества инструкций к зарубежному оборудованию и технологии за сдельную зарплату — за количество переведённых знаков. А он в то же время ещё ухитрялся работать, тоже на дому, — преподавал английский молодому поколению детей богатеньких родителей.

...И вот сегодня писатель Казанов волею судеб оказался у дома почти напротив той самой заводской гостиницы, превращённой знакомой с лет тех давних хозяйкой в дамский салон «Ваша красота». И Казанов был рад, что у россиянок не пропадает интерес оставаться самыми обворожительными и сексапильными приманками для нашего брата. Недаром у иноземцев — испанцев и американцев, при которых он состоял переводчиком печатных текстов и устной речи, у американцев — *translator* и *interpreter*, а у испанцев — *interpretor* и *traductor*, — наши девушки и дамы вызвали плотоядно-сладострастные чувства. И иноземцы при

контактах с ними — при посредническом участии толмача Казанова — шли на немислимые для россиянок затраты с цветами и шампанским в ресторанах и даже в банях, дабы в ответ получить «забуторное» неземное вознаграждение..

Впрочем, Казанов и сам, находясь за границей, попал в ту же угарную западную китайянок, болгарок, кубинок, когда его интеллект советского гражданина при виде до-толе невиданных «куний», «гёрлз» и «мучач» растворялся в похотливом желании «эх бы! да сейчас бы!..». Иногда души его нечистые порывы находили ответную реакцию иностранки, и соития без божества и вдохновения совершались тайно, поспешно и, что нередко, в антисанитарных условиях. А ныне — при виде собачьей пары, публично демонстрирующей естественный животный инстинкт,— он видел и себя в образе бывшего реального кобеля. И ему становилось смешно и больно за эти с постыдной целью прожитые мгновения. Ведь он, по большей части, урвал их ради хвастливого, но правдивого отчётного доклада собутыльникам на мальчишнике по случаю своего возвращения из за-гранки во глубину сибирских мест.

Нина, объехав панельную девятиэтажку по периметру, с трудом отыскала местечко для парковки с торца дома, между двумя покрытыми снегом «тойотами», и они отправились на поиски нужного подъезда.

Прямого ответа из Интернета на запрос о сроках переползания канцера простаты из одной стадии в другую — до роковой четвёртой — Казанову не поступило. Зато в предложениях о его оперативном излечении в разных диспансерах, клиниках за бабки в любой валюте недостатка не было. Больной раком крови внучке богатого приятеля Казанова для начала хватило порядка пятнадцати миллионов рублей для полугодового лечения в израильской столичной больнице при условии дальнейших ежеквартальных визитов туда же — для контроля и долечивания метастазов до могилы. Дед-богач, хранивший деньги в швейцарском банке, скончался от разрыва аорты — из-за многолетних запоев — на

крыльце своего деревенского коттеджа, построенного на обрывистом берегу речки Качи. И был закопан родичами под скоропалительное отпевание попа, приехавшего для этого на своём «мерседесе» на неухоженное, как и по всей Руси, сельское бедное кладбище в том же посёлке. А хватит ли его завещанных капиталов внучке до полного излечения — разве что одному Богу ведомо...

Из райбольницы через неделю пришёл ответ на Нинин смартфон: приём подозреваемого в наличии у него ракового простатита возможен урологом Куваковым М. Р. двадцать восьмого декабря 2016 года в десять часов двадцать минут. Такая скрупулёзность заставила Нину с вечера прогреть двигатель их машины. И потом трижды до шести утра поднимал её с постели звонок для контрольного двадцатиминутного запуска, дабы движок не подвёл. Полседьмого супруги позавтракали и выскочили во двор, чтобы успеть за тридцать километров к онкологу Кувакову в райбольницу до Семивёрстки. Будь ты проклята, эта медвежья оптимизация премьера! Послать бы его из белодомовских палат на вправление мозгов к нам — в Сибирь. Ведь сегодня и здесь не холодно — всего минус десять, но машину и двор, а значит, и дорогу от их ворот до ворот больницы в Семивёрстке, завалил и продолжал валить густой снег. Взялись за лопаты, сгребли и разбросали незваную пыль по углам двора, чтобы через с трудом распахнутую калитку, подпёртую свежим снегом, а от неё — через ограду — метать снег пушистыми стустками в палисадник и сгребать в кювет у дороги. Потными вернулись в дом, разделись догола, смыли солёную влагу в душевой кабине, надели сухое бельё и верхнее нарядное платье, словно собрались в театр. Попили чаю и только в девять отъехали от дома, сомневаясь, пробьются ли до Московского тракта. Благо у машины высокий клиренс, поэтому отрезок в полкилометра до тракта преодолели без буксовки.